УДК: 004:351/354 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–4–134–154

# ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

***Бальбек Р. И.***[1]

Рассматриваются особенности применения научно-теоретических подходов к исследованию политической стабильности в изменяющихся условиях: глобализации, развития информационного общества, постмодерна. Политическая стабильность определяется как способность региональной политической системы быть устойчивой, адаптивной, продуктивной и эффективной.

Влияния, нарушающие эти функции политической системы, квалифицируются как дестабилизирующие влияния. Автор обосновывает, что современное общество и современные политические системы несут в себе многочисленные противоречия. Эти противоречия делают систему неустойчивой, а дестабилизации – многочисленными и естественными.

В статье обосновывается, что конкретно-исторический контекст предопределяет некоторые особенности исследования политической стабильности. Они заключаются в применении конструктивистского подхода, теории постмодерна, новых технологий политических изменений, концепции Digital Humanities.

***Ключевые слова:*** политическая стабильность, политическая система, дестабилизация, системный подход, структурно-функциональный подход, структурализм, институциализм, конструктивизм, баланс сил, постмодернизм, Digital Humanities, государственный переворот, «цветная революция».

*Бальбек Руслан Исмаилович* – соискатель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адрес: 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82,Россия, Москва, Balbek@duma.gov.ru

# THEORETICAL APPROACHES TO THE RESEARCH OF POLITICAL STABILITY UNDER CONDITIONS OF CHANGING REALITY

**Balbek R.I.** – Applicant of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mai: Balbek@duma.gov.ru

The purpose of the article is considering features of the application of scientific and theoretical approaches to the study of political stability in changing conditions: globalization, development of the information society, postmodern. Political stability is defined as the ability of a regional political system to be stable, adaptive, productive and efficient. Influences that violate these functions of the political system are qualified as destabilizing influences. The author substantiates that modern society and modern political systems carry numerous contradictions. These contradictions make the system unstable, and destabilization - numerous and natural.

The article proves that a specific historical context predetermines some features of the study of political stability. They consist in applying a constructivist approach, the theory of postmodern, new technologies of political change, the concept of Digital Humanities.

***Keywords:*** political stability, destabilization, systemic approach, structural-functional approach, structuralism, institutionalism, constructivism, balance of power, postmodernism, Digital Humanities, coup d'état, «color revolution».

Несмотря на то, что политическая стабильность является объектом внимания исследователей достаточно длительное время, до сих пор не найдено общей дефиниции понятия. Анализ источников позволяет сделать вывод, что трактовка понятия зависит от научных интересов авторов и научной сферы, которую они представляют, от конкретного исторического контекста исследования и даже от особенностей политической системы, политического режима, политической культуры, которым симпатизирует автор. Иными словами, на трактовку понятия «политическая стабильность» влияют не только объективные обстоятельства, но и субъективные особенности исследователей. Но самым сложным для понимания являются противоречия, с которыми сталкиваются исследователи. Эти противоречия заключаются в конфликте «национального» и «глобального» и их влиянии на политическую стабильность.

С точки зрения системного подхода политическая стабильность подразумевает целостность системы. Стабильность не рассматривается «сама по себе», она есть неотъемлемое свойство политической системы. Особенностью нашего времени является усиление роли внешних факторов в развитии политических систем. Как следствие, возрастает риск внешних дестабилизирующих влияний на политические системы. С этих позиций ценными являются положения системного подхода относительно того, что политическая стабильность основывается на внутренних связях между элементами политической системы, которые сильнее внешних связей (Т. Парсонс) и обеспечивают интеграцию внутри системы. Это позволяет нам сделать предположение о том, что внешние влияния могут быть мало – эффективными, если внутренние связи элементов региональной политической системы сильнее внешних. Современные британские политологи К. Даудинг и Р. Кимбер определяют стабильность как состояние системы, когда она может успешно отражать угрозы и вызовы дестабилизации извне[1]. Собственно и ряд современных российских авторов рассматривают политическую стабильность через способность отражать внешние угрозы.

Теория Д. Истона, изложенная в работах «Политическая система» (1953), «Модель для политического исследования» (1956), «Системный анализ политической жизни» (1965), позволяет понять общую модель политической системы и условия ее стабильности. В политологии хорошо известны описанные Д. Истоном необходимые части политического взаимодействия внутри системы: «вход», «конверсия», «выход». Особую ценность для нашего исследования имеют выводы Д. Истона относительно значимости масштабов признания ценностей власти со стороны общества для обеспечения устойчивости системы. Д. Истон подчёркивал особую ценность информации, возвращаемой из общества во власть, для самосохранения политической системы. Способность системы адаптироваться под воздействием внешних влияний – условие ее стабильности. Ученый выделяет несколько характеристик политической системы: устойчивость (продолжительность существования во времени), адаптивность (приспособляемость к среде), продуктивность (способность позитивно откликаться на проблемы «входа»), эффективность (легитимность). Эти характеристики были положены в основу нашего понимания политической стабильности региона как способности региональной политической системы быть устойчивой, адаптивной, продуктивной и эффективной. Любые влияния

[1] Doweling K.M., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. 1983. – Vol. II . – № 3. – P. 28 – 39.

иностранных акторов, нарушающие устойчивость, адаптивность, продуктивность, эффективность региональной политической системы, квалифицируются нами как дестабилизирующие внешние влияния.

С точки зрения системного подхода рассматривает политическую стабильность и большая часть современных российских исследователей. Еще в 1990-х годах А.Д. Богатуров предлагал акцентировать внимание на динамической характеристике политической стабильности, которая понималась как развитие системы в рамках определенного типа отношений на межгосударственном уровне. Все изменения в таком случае должны иметь плавный, поступательный характер, то есть быть предсказуемыми и прогнозируемыми. При этом система продолжает свое существование и воспроизводство, меняясь при сохранении своих базовых параметров[1]. Это свойство позволяет системе переживать трансформации, утрату отдельных ее компонентов без угрозы ее коллапса или дестабилизации. Политическая стабильность является характеристикой поступательного изменения системы. Если принимать за отправную точку оценок состояния политической стабильности отлаженность работы существующих в обществе политических институтов, а также процедурный аспект управления, то получается, что тоталитарная система имеет значительно больше ресурсов для поддержания стабильности в обществе, подавления любых проявлений общественного недовольства, начиная с сильной идеологической составляющей и заканчивая силовыми методами давления. Если стабильность рассматривать как степень управляемости системы, то централизованное тоталитарное управление явно выше по своей эффективности, чем демократическое, поскольку процесс выработки, принятия и реализации политических решений в тоталитарном режиме функционирования политической системы вообще не требует каких-либо согласований с обществом. Также высокий уровень управляемости обеспечивается в тоталитарных системах отсутствием институтов гражданского общества и общественного контроля.

По мнению О.Ф. Шаброва, «возникающее противоречие между стабильностью и развитием обычно разрешается с точки зрения меры. Для развития надо, чтобы система была достаточно устойчива, чтобы не разрушиться, но и достаточно неустойчивой, чтобы не утратить способность к качественным изменениям»[2]. Развитие политической системы представляет

[1] Богатуров А. Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970– 90-е гг. – М.: ИСК РАН, 1996. – С. 19.

[2] Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития // Эффективные

собой единство стабильности системы как целого и нестабильности каких-либо из ее подсистем, что подразумевает самореализацию целого через его переход в новое качественное состояние.

О.Ф. Шабров считает, что «гомеостатической машиной» управление назвали все-таки не случайно. Естественным образом функционирующий механизм управления играет стабилизирующую роль и настроен таким образом, чтобы уменьшать отклонения от нормы. Попытки же прибегнуть к управлению для созидания нового порядка равносильны попыткам заменить реальную жизнь абстракцией и вступают в противоречие с принципом необходимого разнообразия. Рано или поздно они провоцируют управление на экспансию в сферу самоорганизации, нарушают гармонию и ведут к разрушению целого»[1]. Политическая система теряет свою стабильность, когда политическая система при своем функционировании так или иначе нарушает собственную идентичность и вступает в противоречие с собственной сущностью[2].

Цуренков Н.В. определяет политическую стабильность как «состояние властной системы и отношений субъектов политики, характеризующееся способностью длительное время функционировать без значительных изменений, сохранять базовые характеристики и устойчивость к внутренним и внешним воздействиям, своевременно реагировать на изменяющиеся условия политической конъюнктуры, обеспечивая постоянство политического уклада жизни общества. В этой связи политическая стабильность имеет внутреннюю и внешнюю слагаемые. Первая характеризует способность власти противостоять внутренним деструктивным воздействиям, вторая – внешним»[3].

Таким образом, с точки зрения системного подхода политическая стабильность предполагает наличие устойчивых взаимосвязей между элементами системы, которые способны выдерживать воздействие внутренних и внешних факторов дестабилизации, полностью не разрушаясь под их влиянием. Разрушение отдельных элементов системы допустимо, если сохраняется целостность всей системы и она способна выполнять свои базовые функции.

---

технологии в системе государственного и муниципального управления. Майкоп – Ростов– н/Дону: Изд-во СКАГС. 1999. С.180– 194 – URL: http://shabrov.info/Statji/upr_sam.htm#_ftn2

[1] Там же. – С.180 – 194.

[2] Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России: Научно–методическая разработка к курсу профессора А.А. Кокошина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Инфра-М, 2011. – 365 с.

[3] Цуренков Н.В. Политическая стабильность Российского государства и ее влияние на пограничную безопасность. Дис. …канд. полит. наук. – М., 2015. – URL: http://cheloveknauka.com/politicheskaya-stabilnost-rossiyskogo-gosudarstva-i-ee-vliyanie-na-pogranichnuyu-bezopasnost#ixzz54BhXYHm2.

Классик структурно-функционального подхода Г. Алмонд считал важнейшей задачей политической системы обеспечение легитимности принуждения. Сомнения общественности и части элит в легитимности принуждения – первый шаг к дестабилизации политической системы. Проблема легитимности принуждения стала актуальной для нас при разработке рекомендаций по обеспечению политической стабильности в регионе. Среди богатейшего научного наследия Г. Алмонда для нашего исследования важнейшее значение имели выводы о роли неформальных (неинституциональных) образований и политической культуры для обеспечения стабильности. По мнению Г. Алмонда, «политическая система состоит из взаимодействующих между собой ролей, структур и подсистем и лежащей в их основе культуры». Политическая дестабилизация наступает вследствие ослабления институтов, обеспечивающих социализацию граждан, воспроизводство определённой политической культуры, ввиду нарушения коммуникаций между обществом и государством. Г. Алмонд выделил и важнейшие функции политической системы региона: непосредственные функции системы (социализация граждан, рекрутирование участников политики, взаимодействие с общественностью); функции процесса (артикуляция, агрегирование интересов, выработка решений, контроль за применением норм); функции политики (регулирование политических отношений, распределение ресурсов, реагирование на общественное мнение, мобилизация ресурсов для реализации властных целей). Дисфункции политической системы провоцируют ее нестабильность.

Стабильность политической системы связана с ее воспроизводством. Наше понимание роли и значения воспроизводства политической системы в обеспечении ее стабильности формировалось под влиянием представителей структурных теорий, а именно Э. Гидденса. Его исследования доказали, что воспроизводство системы возможно обеспечить путем сочетания двух процессов: «структурации» (воспроизводство сложившихся норм и правил политического взаимодействия в ограниченных пространственно-временных границах) и «институциализации» (закрепления постоянно возникающих индивидуальных и групповых практик, соотнесённых с действующими правилами осуществления власти). Иными словами, субъекты и нормы взаимно конструируют политический порядок в обществе и обеспечивают стабильность системы. Нарушения структурации или институциализации ведут к дестабилизации системы. С этой точки зрения стабильность политической системы на каждом конкретном этапе политического процесса является относительной по отношению к постоянным изменениям внешней среды. В

контексте этого вывода приведём позицию современного представителя структуралистского подхода К. Уольтца, который предлагает рассматривать стабильность как состояние, при котором система существует без резких трансформаций и разрушений[1]. При этом частые изменения являются ее новым свойством.

В условиях информационного общества политическая стабильность в принимаемой нами трактовке (как способность системы быть устойчивой, адаптивной, продуктивной и эффективной) уже невозможна без новых типов коммуникативных связей (например, виртуальные, сетевые коммуникации, формирование сетевых идентичностей), использования ресурсов Интернет цифровых технологий. Значение и глубина влияния коммуникативных связей на политическую стабильность раскрываются с помощью коммуникативных теорий. В работе «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» (1963) К. Дойч рассмотрел политическую систему как сложную совокупность информационных потоков и коммуникативных связей, определяемых уровнями политических агентов, их ролями, решаемыми задачами, особенностями процессов получения, переработки, хранения и передачи информации. Модель, предложенная К. Дойчем, получила название информационно-кибернетическая модель и используется для анализа политической системы как целенаправленно организованной совокупности информационных связей, направленных в конечном итоге на управление и целенаправленное регулирование политических объектов. К.Дойч выделял персональные, неформальные коммуникации; коммуникации, которые осуществляют организации (правительства, партии, лоббистские структуры); коммуникации специальных структур (СМИ). Содержание посылаемых сообщений должно быть максимально точным, так как коммуникационная революция, по мнению Э. Гидденса, привела к появлению более активного, «мыслящего гражданина»[2].

Исследуя стабильность мировой политической системы, К. Дойч и Д. Сингер понимают под стабильностью потенциал системы по сохранению своих основных характеристик. В 1970-е годы эти ученые предлагали оценивать стабильность с позиций вероятности сохранения государством собственного политически суверенного существования и территориальной целостности при

[1] Ефимов Н.Н. Политико–военные аспекты национальной безопасности России: Научно-методическая разработка к курсу профессора А.А. Кокошина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Инфра-М, 2011. – 365 с.

[2] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – С. 68

условии отсутствия военных конфликтов[1]. Отметим, что из этой позиции исходят авторы большинства российских исследований политической стабильности последних лет. Некоторые авторы даже сформулируют принципы политической безопасности[2].

Связи политической стабильности с особенностями коммуникаций власти и общества наиболее продуктивно исследовать, опираясь на научные результаты, достигнутые Ю. Хабермасом, Г. Гадамером, Н. Луманом. Согласно подходу Н. Лумана, коммуникация прежде всего характеризует смысловой процесс. Различая понятия «информация», «сообщение», «понимание», можно лучше понять не только процесс передачи, хранения и усвоения информации различными политическими акторами, но и понять причины эффективности дестабилизирующих технологий иностранных акторов. Результаты исследований Н. Лумана были использованы нами для анализа смыслового компонента технологий внешнего влияния и технологий формирования сетей адептов дестабилизирующих акторов.

В числе дестабилизирующих акторов рассматриваются не только традиционные государственные институты зарубежных стран, но и негосударственные, о возрастании роли которых говорили представители «нового институциализма» Д. Марч и Д. Олсен. Придавая большое значение институту государства в обеспечении политической стабильности, они отмечали возможность возрастания организующей роли негосударственных институтов, которые в определённой степени тоже являются институтами власти и влияния. К таким институтам ученые относят корпорации, клиентелы, группы давления и другие институты, чьи цели и нормы могут оказать влияние на организацию политической жизни и политическую стабильность. В последние годы активно задействованы религиозные институты, частные институты образования и воспитания, социальные сети, виртуальные сообщества, оказывающие влияние на социализацию, политическую культуру, мотивацию и политическое поведение граждан. При этом мы используем понятие «актор», а не институт, всегда подразумевая социальную и политическую активность последних и не всегда – их институциализацию.

Анализ российских исследований политической стабильности позволил

---

[1] Deutsch K., Singer J.D. Multipolar Power Systems and International Stability // Analyzing International Relations: a Multimethod Introduction. – N.Y.: Praeger, 1975.

[2] Медведев И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России. Дис. … канд. полит. наук. – Кемерово, 2003. – 191 с. – URL: http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-stabilnost-kak-faktor-natsionalnoi-bezopasnosti-rossii#ixzz54BT9DWP4.

выделить основные подходы, в рамках которых российские авторы предлагают ее исследовать. Например, анализируя понятия – антиподы стабильности («неустойчивость» и «нестабильность»), Г. Агалекян отмечает, что они применяются в самых различных концепциях политических процессов, однако они детально рассмотрены только в структурно-функциональном подходе и отчасти проработаны в теориях синергетики и катастроф[1].

Фирсов А.В. считает, что «наиболее эффективно применение синергетического подхода к исследованию политической стабильности. При таком методе анализа можно не только исследовать состояния неравновесности и нестабильности политической системы, но и сформулировать новый понятийно-категориальный аппарат в исследовании разнообразных тенденций стабилизации политической системы»[2]. Он предлагает определять политическую стабильность как состояние политической системы, при котором она может оперативно реагировать на внутренние и внешние вызовы, не меняя собственных базовых параметров и развиваясь вне зависимости от типа политического режима. По его мнению, политическая стабильность является динамичным равновесием между системообразующими и трансформационными процессами в элементах политической системы и взаимоотношениях между политической системой и социумом; имеет определенную целостность и способствует реализации возложенных на политическую систему функций[3].

С синергетическим подходом в целом можно согласиться, отметив некоторые его особенности. Если рассматривать политическую стабильность в терминах синергии, то следует вводить понятия «большая система» и «микросистемы», направления (русла) движения систем[4], их взаимозависимости. Большая система доминирует над малыми, входящими в нее, как соподчинённые элементы иерархии. Направления движения над-системы позволяют прогнозировать движения включённых в нее микросистем. То есть при трактовке политической системы следует понимать, что ее состояние предопределено траекторией движения макросистемы, находящейся над ней. Например, для

[1] Аракелян Г. Цветные революции в контексте истории и зеркале современной политики // Академия Тринитаризма. – 2014. – № 9. – С.16 – 24

[2] Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт. Диссертация на соискание … канд. полит. наук. – М., 2017

[3] Там же. – С.43 – 44.

[4] Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Джокеры, русла или поиски третьей парадигмы. // Знание – Сила. – 1998. – № 3.

исследования политической стабильности в регионе интересны выводы Бабошина К.И. относительно того, что «социально-политическая стабильность в современной России являет собой стабильность социально-политических взаимоотношений и взаимодействий между политическим центром и регионами. Это находит проявление в осуществляемых российской политической властью процессах, направленных на формирование централизованной модели государственного управления, признаки которой проявляются в построении «вертикали власти», назначении губернаторов и пр. Социально-политическая дестабилизация в современной России возможна исключительно по причине возникновения дестабилизационных процессов внутри политического центра, но никак не может быть инициирована в регионах..»[1]. В то же время, по мнению Негровой М.С., «встроенность регионов в вертикаль власти и большая зависимость от центра препятствуют включению в процесс стабилизации местных автономных механизмов»[2]. Иными словами, особенностью политической стабильности в регионе является ее зависимость от политического центра, который должен обладать легитимностью принуждения для региональных элит и населения.

Большой вклад в исследования политической стабильности внесли авторы, которые рассматривали ее с точки зрения баланса сил, так как стабильность связана с реализацией интересов и распределением ресурсов. В рамках этого концепта Бойко С.И., изучая феномен политической стабильности в переходных политических системах, определяет политическую стабильность как «динамичное, эволюционное, устойчивое и непрерывное по основным характеристикам состояние, когда развитие политических процессов осуществляется без актуального насилия, имеется адекватная форма конверсии власти (от государства к обществу и обратно), обеспечены сбалансированный характер отношений как внутри элиты, так и элиты с другими социальными группами, а также приемлемый уровень равновесия и цивилизованные формы диалога политических сил страны в условиях партогенеза»[3].

Бабошин К.И. определяет стабильность как установление баланса между правомочными и неправомочными действиями чиновников. Политическая стабильность должна, таким образом, способствовать артикуляции

[1] Бабошин К.И. Социально-политическая стабильность в современной России: Социологический анализ. Дис…. канд. соц. наук. – 2005, Саратов. – 144 с.

[2] Негрова М.С. Политические факторы стабильности российского общества: региональный аспект (на примере Санкт-Петербурга и Красноярского края). Дис. … канд. полит. наук – СПб., 2009.

[3] Бойко С.И. Механизмы обеспечения политической стабильности. Дис. … канд.полит.наук. – 2006. – М.:– URL:http://cheloveknauka.com/mehanizmy-obespecheniya-politicheskoy-stabilnosti#ixzz54Bdy4YYF.

потребностей и интересов социально-политических субъектов на системном уровне, причем каналы такой артикуляции самостоятельно адаптируются к возникающим новым потребностям субъектов[1]. Другой автор, Ковалев М.Д., отмечает, что политическая система должна не только обслуживать интересы властных элит по воспроизводству собственных лидирующих позиций, но и повышать уровень управляемости социальными процессами, когда рядовые граждане могут реализовывать собственные права и политические интересы[2]. Политическая стабильность в демократических системах определяется как баланс интересов политических элит и гражданского общества при функционировании системы в режиме поступательных трансформаций. Политическая стабильность в системах недемократического типа основывается на деятельности консолидированной политической элиты, проводящей преобразования на базе идеологической мобилизации широких слоев населения[3]. Вместе с тем Медведев И.Г. считает, что использование концепции баланса сил как базового критерия для определения политической стабильности затруднено тем, что при анализе социально-политических явлений всегда обнаруживается доминирующее большинство, лидеры которого закономерно стремятся сосредоточить в своих руках максимальное количество ресурсов. При условии того, что реальная расстановка политических сил практически остается неизменной, стабильность может быть установлена только при опоре на устойчивые структуры и институты[4]. Иными словами, политическую стабильность целесообразно рассматривать с точки зрения институционального подхода наряду с другими подходами. Нередко он является основным[5].

Принимая значимость для исследования политической стабильности выше названных подходов, со своей стороны предлагаем рассматривать политическую стабильность также с точки зрения конструктивистского подхода (в числе других подходов). Политическая стабильность есть следствие

[1] Савельева М.В. Внутриэлитные конфликты на постсоветском пространстве. – М.: ИНИОН РАН, 2013.
[2] Ковалев М.Д. Истоки и риски политической нестабильности в развивающихся странах. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 472 с.
[3] Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт. Диссертация на соискание … канд. полит. наук. – М., 2017.
[4] Медведев И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Кемерово, 2003. – С. 11.
[5] Гаджиев Х.А. Роль политических институтов в обеспечении политической стабильности // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – №3. – С.123 – 135 – URL:: http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2016-3/10-gadzhiev.pdf(дата обращения 26.03.2018)

конкретных исторических процессов, в ходе которых она конструируется. Сама проблема стабильности внеисторична, ибо о стабильности заботится каждая система, желающая сохранить себя. Глубинные причины нестабильности порождают само общество и конкретно-исторические условия развития общественной системы, представляющее собой разнородные социальные группы, интересы, потребности, мотивы, мировоззренческие позиции. Наличие альтернативных интересов и мировоззренческих позиций может стать источником дестабилизации политической системы и использоваться внешними акторами в целях дестабилизации. Потенциально любая социальная группа может стать целевым объектом внешних дестабилизирующих влияний. Иными словами, источники дестабилизации есть в любой общественной системе.

Кроме того, политическая система несет внутри себя противоречия, которые могут быть использованы внешними акторами для дестабилизации. Источниками нестабильности могут стать, как минимум, закрытость власти, раскол внутри элит, наличие больших групп населения, чьи интересы не представлены во власти и не реализуются в политических решениях, несправедливые решения, неэффективность институтов и механизмов политической социализации, неспособность политической системы самоизменяться и адаптироваться в соответствии с общественными изменениями.

Современность как комплекс конкретно-исторических условий предопределяет необходимость использования специфических подходов к исследованию политической стабильности. К таким подходам мы относим: постмодернизм, а также новые научные подходы к изучению государственных переворотов, революций, роли «мягкой силы», концепция Digital Humanities.

В постмодерном обществе возникают новые противоречия между обществом, производящим информацию, и потребляющим ее человеком, теряющим возможность адекватно соотносить себя как с окружающей средой, так и с самим собой. О.Ф. Шабров анализирует особенности постмодерной личности и отмечает, что для нее характерна подмена реальных социальных контактов виртуальными. «В результате все более массовый характер приобретает социальный аутизм, крайним проявлением которого являются случаи суицида, совершаемого из стремления заслужить социальное одобрение виртуальной среды. Особенностью личности постмодерна, открытой для избыточной информации, становится неглубокое проникновение в суть происходящего, в том числе в политической сфере, реальный мир все больше вытесняется разрастающимся миром виртуальных образований. В

результате индивид утрачивает способность адекватно судить и о «личном благе», и о собственных интересах[1]. Иными словами, личность постмодерна мало способна воспроизводить политическую систему (потому что социализирована в виртуальном сообществе), она мало мыслит категориями политической стабильности в рамках государственных границ (потому что живет «вне границ»), она мало подвержена рациональным влияниям (потому что с трудом их осмысливает). Личность постмодерна весьма уязвима для внешних влияний и легко становится мишенью внешних акторов, использующих все чаще и чаще технологии виртуальной среды.

По сути, о личности постмодерна говорит С.С. Хоружий, описывая своего «Виртуального человека»[2]. Быстрое продвижение Виртуального человека означает виртуализацию всех сфер существования человека и постепенное преобладание виртуальной реальности над актуальной. Опасность такого процесса заключается в глубоких и продолжительных уходах в виртуальную антропологическую реальность, что имеет следствием потерю полноты контроля над актуальной ситуацией человека, как внутренней, так и внешней, лежащей в мире техногенной цивилизации. «В сфере человеческого общения, виртуализация несет его обеднение, редукцию и деградацию, уход и утрату глубинных, экзистенциально наполненных и смыслонасыщенных форм общения»[3].

Находящийся в системе виртуальных отношений, утративший желание (а затем и способность) критического анализа и оценки реальной ситуации человек не имеет достоверного представления о действиях акторов, чьи ценности и интересы он начинает разделять. Люди ориентированы на информацию, поставляемую по горизонтальным социальным сетям в виртуальном мире, – симулякры, как называл их Ж. Бодрийяр[4].

Иными словами, современность такова, что вертикальные отношения становятся малоэффективными, а государственная власть теряет монополию на общественное и политическое влияние. Возрастает потенциал политического влияния и политической социализации у негосударственных и транснациональных акторов. Как отмечает Балуев Д.Г., распространение Интернета обеспечило доступ миллиардам людей к огромному массиву

[1] Шабров О.Ф. Модернизация в эпоху постмодерна // Власть. – 2017 – №11 (25). – С.13 – 21

[2] Хоружий С.С. Постсекуляризм и ситуация человека – URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf (дата обращения 26.03.2018)

[3] Там же.

[4] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

информации, к возможности «выражать свое мнение и независимо от государства предпринимать коллективные действия»[1].

Влияния внешних акторов наиболее эффективны, если оказываются гибридным способом, то есть сочетают силовые и ненасильственные действия, гражданское сопротивление, вооруженные и «инфраструктурные» противоборства, «поведенческие технологии»[2]. Суть «мягкой силы» (soft power) определил Дж. Най в работах, посвящённых внешним влияниям[3]. Он определил «мягкую силу» как продвижение страной собственных ценностей и на этой основе влияние на «поведение» других стран. Технологии «мягкой силы» (в отличие от принуждения против воли) способны установить такую форму политической власти, при которой желаемые результаты достигаются на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности. Инструментами такого влияния становятся язык, культура, образование, спорт, СМИ и др. Этого же концепта придерживался и Д. Шарп, описывая роль гражданского сопротивления в политической дестабилизации, «цветных революциях»[4].

Современные технологии применения технологий дестабилизации с использованием вооружённых действий подробно описаны в работах Э. Люттвака. Методы же противостояния вооружённому вмешательству рассматриваются в диссертации А.С. Семченкова[5].

На методологическую позицию автора при исследовании политической стабильности оказали воздействие работы современных ученых в рамках концепции цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities). Цифровые гуманитарные науки сформировались на стыке компьютерных и гуманитарных наук, объединяют методологии традиционных гуманитарных наук с компьютерными науками, компьютерными инструментами, что открывает новые возможности сбора и визуализации данных, информационного поиска, интеллектуального анализа данных.

Придерживаясь основных позиций Манифеста Digital Humanities (принят на

---

[1] Балуев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования. – URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v16_i2/html/18.htm

[2] Семченков А.С. Социально-политическая стабильность // Философия и общество. – 2016. – №2. – С. 20–38.

[3] Най Д. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. – 448с.; Най Дж. Гибкая власть. – М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. – 224 с.

[4] Шарп Д. От диктатуры к демократии. – Екатеринбург: Нов. изд-во, 2005.

[5] Семченков А.С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: Дис. ...доктора политических наук. – М., 2012. – 304 с. – URL: http://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-sovremennym-ugrozam-politicheskoi-stabilnosti-v-sisteme-obespecheniya-natsio#ixzz55BHGlwyF. (дата обращения:10.03.2018)

конференции ученых в Париже, 2010 год)[1], считаем, что, во-первых, «цифровая революция» современного общества видоизменяет и ставит под вопрос традиционные формы создания и распространения знаний; во-вторых, цифровые методы исследований имеют значение для всех гуманитарных наук. Digital Humanities опираются на все научные парадигмы, знания и умения, накопленные каждой из соответствующих научных дисциплин, используя инструменты и перспективы, открывшиеся благодаря цифровым технологиям; в-третьих, цифровые гуманитарные науки по определению междисциплинарны и несут в себе все методы, средства и перспективы познания, связанные с цифровыми технологиями в области гуманитарных наук.

Вместе с тем мы не абсолютизируем Digital Humanities как методологическую базу и используем как инструмент, позволяющий понять технологии дестабилизации политических порядков, технологии многосекторальной мобилизации, формирования мнений и убеждений у объектов внешнего влияния, выявить традиционных и новых акторов внешнего влияния. Мы понимаем опасности увлечения Digital Humanities, о которых говорит Таллер Манфред (Manfred Thaller), профессор департамента «Информационные технологии в историко-культурных исследованиях» Кельнского университета (Германия):

1) акцент на инфраструктуру для Digital Humanities может затенять тот факт, что исследования в конечном счете обусловлены аналитическими методами и инструментами, а не только обеспечением необходимыми данными или публикацией исследовательского инструментария;

2) IT может поддерживать гуманитарные науки во многих формах и национальных традициях. Так, анализ текстов сейчас является наиболее активно обсуждаемой областью, что, однако, не должно закрывать более широкого взгляда на возможности Digital Humanities;

3) надвигающаяся «мобильная революция» может вновь привести к повторению разрушительного процесса, происходившего в ходе ПК- и Интернет-революций;

4) направлению Digital Humanities, возможно, придется сыграть более активную роль не только в восприятии технологий, но и в их развитии» [2].

С учетом сказанного считаем, что современные эмпирические исследования политической стабильности должны вестись с учетом подходов Digital Humanities, иначе от исследователя будет «ускользать» альтернативная реальность

[1] Манифест Digital Humanities – URL: http://tcp.hypotheses.org/501. (дата обращения:10.03.2018)

[2] Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. – 2012.– № 1. – С. 5. – URL: http://kleio.asu.ru/2012/1/hcsj-12012_5-13.pdf

политической стабильности.

Современность, как конкретно-исторический контекст, предопределяет некоторые особенности исследования политической стабильности. Они заключаются в применении конструктивистского подхода, теории постмодерна, новых технологий политических изменений, концепции Digital Humanities.

Конструктивистский подход позволяет понять, как конструируется политическая стабильность в изменяющихся условиях, какие факторы и акторы оказывают влияние на этот процесс, каковы показатели стабильности в разных политических системах.

Теория постмодерна объясняет причины, по которым постмодерный человек теряет способность к воспроизводству политической системы, формирует особое восприятие реальности, становится объектом дестабилизирующих влияний.

Новые концепции политических изменений («мягкая сила», гражданское сопротивление, нейтрализации политических противников) позволяют понять технологии дестабилизации и разработать альтернативные и эффективные технологии обеспечения политической стабильности.

Концепции Digital Humanities находятся в стадии своего становления, но уже понятно, что применение новейших инструментов политического анализа позволит проводить более качественный мониторинг общественного мнения, профилактировать дестабилизации, учитывать мнение альтернативной среды при принятии управленческих решений.

Само понятие «политическая стабильность» не имеет устойчивых дефиниций, что имеет следствием трудности изучения критериев и показателей политической стабильности, предела ее устойчивости, факторов, ее определяющих. Предлагаем рассматривать политическую стабильность как способность региональной политической системы быть устойчивой, адаптивной, продуктивной и эффективной. Это определение не противоречит ранее сформулированным и одновременно позволяет понять, что должна делать система, чтобы оставаться стабильной. Влияния акторов, нарушающих устойчивость, адаптивность, продуктивность, эффективность региональной политической системы, квалифицируются нами как дестабилизирующие влияния.

В условиях информационного общества политическая стабильность в принимаемой нами трактовке (как способность системы быть устойчивой, адаптивной, продуктивной и эффективной) невозможна без налаживания коммуникативных связей внутри политической системы и с внешней средой.

Следовательно, современное понимание политической стабильности и ее критериев формируется под влиянием процессов глобализации, развития информационного общества, общества риска, в условиях постмодерна.

***Библиография/References:***

1. Аракелян Г. Цветные революции в контексте истории и зеркале современной политики // Академия Тринитаризма. – 2014. – № 9. – С. 16 – 24.

2. Ачкасов В.А. Новые факторы и акторы дестабилизации международных отношений. – URL: https://bstudy.net/668880/politika/ novye_aktory_faktory_destabilizatsii_ mezhdunarodnyh_otnosheniy.

3. Бабошин К.И. Социально-политическая стабильность в современной России: Социологический анализ: дисс…. канд. социол. наук. – Саратов, 2005. – 144 с.

4. Балуев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // Образовательные технологии и общество. – 2013. – Том 16. – № 2. – С. 604 – 616.

5. Богатуров А. Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–90–е гг. – М.: ИСК РАН, 1996.

6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

7. Бойко С.И. Механизмы обеспечения политической стабильности: дисс. … канд.полит.наук. – М., 2006. – URL: http://cheloveknauka.com/mehanizmy-obespecheniya-politicheskoy-stabilnosti#ixzz54Bdy4YYF.

8. Гаджиев Х.А. Роль политических институтов в обеспечении политической стабильности // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 3. – С. 123 – 135.

9. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

10. Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России: Научно-методическая разработка к курсу профессора А.А. Кокошина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Инфра-М, 2011. – 365 с.

11. Ковалев М.Д. Истоки и риски политической нестабильности в развивающихся странах. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 472 с.

12. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Джокеры, русла или поиски третьей парадигмы // Знание – Сила. – 1998. – № 3.

13. Манифест Digital Humanities. – URL: http://tcp.hypotheses.org/501.

14. Медведев И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности: автореф. дис…. канд. полит. наук. – Кемерово, 2003. – 191 с. – URL: http://www.dissercat.com/content/politicheskaya–stabilnost–kak–faktor–natsionalnoi–bezopasnosti–rossii#ixzz54BT9DWP4.

15. Най Дж. Будущее власти. –М.: АСТ, 2014. – 448 с.

16. Най Дж. Гибкая власть. – М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. – 224 с.

17. Негрова М.С. Политические факторы стабильности российского общества: региональный аспект (на примере Санкт-Петербурга и Красноярского края): дис. … канд.полит.наук – СПб., 2009.

18. Савельева М.В. Внутриэлитные конфликты на постсоветском пространстве. – М.: ИНИОН РАН, 2013.

19. Семченков А.С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: дис. ...д. полит. наук. – М., 2012. – 304 с. – URL: http://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-sovremennym-ugrozam-politicheskoi-stabilnosti-v-sisteme-obespecheniya-natsio#ixzz55BHGlwyF.

20. Семченков А.С. Социально–политическая стабильность // Философия и общество. – 2016. – № 2. – С. 20 – 38.

21. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. – 2012. – № 1. – С. 5 – 13.

22. Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: дис. … канд.полит.наук. – М., 2017.

23. Хоружий С.С. Постсекуляризм и ситуация человека. – URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf.

24. Цуренков Н.В. Политическая стабильность Российского государства и ее влияние на пограничную безопасность: дис. …канд.полит.наук. – М., 2015. – URL: http://cheloveknauka.com/politicheskaya-stabilnost-rossiyskogo-gosudarstva-i-ee-vliyanie-na-pogranichnuyu-bezopasnost#ixzz54BhXYHm2.

25. Шабров О.Ф. Модернизация в эпоху постмодерна // Власть. – 2017 – № 11 (25). – С.13 – 21.

26. Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. – Майкоп, Ростов н/Д: Изд-во СКАГС. 1999. – С. 180 – 194. – URL: http://shabrov.info/Statji/upr_sam.htm#_ftn2.

27. Шарп Д. От диктатуры к демократии. – Екатеринбург: Нов. изд-во, 2005.

28. Deutsch K., Singer J.D. Multipolar Power Systems and International Stability // Analyzing International Relations: a Multimethod Introduction. - N.Y.: Praeger, 1975.
29. Doweling K.M., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. – 1983. – Vol. II . – № 3. – P. 28 – 39.

1. Arakelyan, G. (2014) Tsvetnyye revolyutsii v kontekste istorii i zerkale sovremennoy politiki [Color revolutions in the context of history and the mirror of modern politics] // Akademiya Trinitarizma [Academy of Trinitarianism]. – № 9. – P. 16 – 24. (In Russ.)
2. Achkasov, V.A. Novyye faktory i aktory destabilizatsii mezhdunarodnykh otnosheniy [New factors and actors of destabilization of international relations]. – URL: https://bstudy.net/668880/politika/novye_aktory_faktory_destabilizatsii_mezhdunarodnyh_otnosheniy. (In Russ.)
3. Baboshin, K.I. (2005) Sotsial'no-politicheskaya stabil'nost' v sovremennoy Rossii: Sotsiologicheskiy analiz [Socio-political stability in modern Russia: Sociological analysis]: diss…. kand. sotsiol. nauk. – Saratov. – 144 p. (In Russ.)
4. Baluyev, D.G. (2013) Politicheskaya rol' sotsial'nykh media kak pole nauchnogo issledovaniya [The political role of social media as a field of scientific research] // Obrazovatel'nyye tekhnologii i obshchestvo [Educational technologies and society]. – Tom 16. – № 2. – P. 604 – 616. (In Russ.)
5. Bogaturov, A. D. (1996) Sovremennyye teorii stabil'nosti i mezhdunarodnyye otnosheniya Rossii v Vostochnoy Azii v 1970–90–ye gg [Modern theories of stability and international relations of Russia in East Asia in 1970-90s]. – M.: ISK RAN. (In Russ.)
6. Bodriyyar, ZH. (2000) Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. – M.: Dobrosvet. – 387 p. (In Russ.)
7. Boyko, S.I. (2006) Mekhanizmy obespecheniya politicheskoy stabil'nosti [Mechanisms for ensuring political stability]: diss. … kand.polit.nauk. – M. – URL: http://cheloveknauka.com/mehanizmy-obespecheniya-politicheskoy-stabilnosti#ixzz54Bdy4YYF. (In Russ.)
8. Gadzhiyev, KH.A. (2016) Rol' politicheskikh institutov v obespechenii politicheskoy stabil'nosti [The role of political institutions in ensuring political stability] // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy [Theory and Problems of Political Studies]. – № 3. – P. 123 – 135. (In Russ.)
9. Giddens, E. (2004) Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn' [The escaping world: how globalization is changing our lives]. – M.: Ves' mir. – 120 p. (In Russ.)

10. Yefimov, N.N. (2011) Politiko-voyennyye aspekty natsional'noy bezopasnosti Rossii [Politico-military aspects of national security of Russia]: Nauchno-metodicheskaya razrabotka k kursu professora A.A. Kokoshina na fakul'tete mirovoy politiki MGU im. M.V. Lomonosova. – M.: Infra-M. – 365 p. (In Russ.)

11. Kovalev, M.D. (2013) Istoki i riski politicheskoy nestabil'nosti v razvivayushchikhsya stranakh [The origins and risks of political instability in developing countries]. – M.: INION RAN. – 472 p. (In Russ.)

12. Malinetskiy, G.G., Potapov, A.B. (1998) Dzhokery, rusla ili poiski tret'yey paradigmy [Jokers, the channel or the search for the third paradigm] // Znaniye – Sila [Knowledge – Power]. – № 3. (In Russ.)

13. Manifest Digital Humanities [Manifesto Digital Humanities]. – URL: http://tcp.hypotheses.org/501. (In Russ.)

14. Medvedev, I.G. (2003) Politicheskaya stabil'nost' kak faktor natsional'noy bezopasnosti [Political stability as a factor of national security ]: avtoref. dis…. kand. polit. nauk. – Kemerovo. – 191 p. – URL: http://www.dissercat.com/content/politicheskaya–stabilnost–kak–faktor–natsionalnoi–bezopasnosti–rossii#ixzz54BT9DWP4. (In Russ.)

15. Nay, Dzh. (2014) Budushcheye vlasti [The Future of Power]. –M.:AST. – 448 p. (In Russ.)

16. Nay, Dzh. (2006) Gibkaya vlast' [Flexible Power]. – M.: Fond sotsio-prognosticheskikh issledovaniy «Trendy». – 224 p. (In Russ.)

17. Negrova, M.S. (2009) Politicheskiye faktory stabil'nosti rossiyskogo obshchestva: regional'nyy aspekt (na primere Sankt-Peterburga i Krasnoyarskogo kraya) [Political factors of Russian society stability: the regional aspect (on the example of St. Petersburg and the Krasnoyarsk Territory)]: dis. … kand.polit.nauk – SPb. (In Russ.)

18. Savel'yeva, M.V. (2013) Vnutrielitnyye konflikty na postsovetskom prostranstve [Inter-elite conflicts in the post-Soviet space]. – M.: INION RAN. (In Russ.)

19. Semchenkov, A.S. (2012) Protivodeystviye sovremennym ugrozam politicheskoy stabil'nosti v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii [Counteraction to modern threats of political stability in the system of ensuring national security of Russia]: dis. ...d. polit. nauk. – M. – 304 p. – URL: http://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-sovremennym-ugrozam-politicheskoi-stabilnosti-v-sisteme-obespecheniya-natsio#ixzz55BHGlwyF. (In Russ.)

20. Semchenkov, A.S. (2016) Sotsial'no–politicheskaya stabil'nost' [Socio-political stability] // Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and society]. – № 2. – P.20– 38. (In Russ.)

21. Talle, M. (2012) Diskussii vokrug Digital Humanities [Discussions around Digital Humanities] // Istoricheskaya informatika [Historical Informatics]. – № 1. – P. 5 – 13. (In Russ.)

22. Firsov, A.V. (2017) Tekhnologii podderzhaniya politicheskoy stabil'nosti v mekhanizme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Technologies for maintaining political stability in the mechanism for ensuring national security: Russian and foreign experience]: dis. … kand.polit.nauk. – M. (In Russ.)

23. Khoruzhiy, S.S. Postsekulyarizm i situatsiya cheloveka [Post-secularism and the human situation]. – URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf. (In Russ.)

24. Tsurenkov, N.V. (2015) Politicheskaya stabil'nost' Rossiyskogo gosudarstva i yeye vliyaniye na pogranichnuyu bezopasnost' [Political stability of the Russian state and its impact on border security]: dis. …kand.polit.nauk. – M. – URL: http://cheloveknauka.com/politicheskaya-stabilnost-rossiyskogo-gosudarstva-i-ee-vliyanie-na-pogranichnuyu-bezopasnost#ixzz54BhXYHm2. (In Russ.)

25. Shabrov, O.F. (2017) Modernizatsiya v epokhu postmoderna [Modernization in the era of postmodern] // Vlast' [The Power]. — № 11 (25). – P.13 – 21. (In Russ.)

26. Shabrov, O.F. (1999) Upravleniye i samoorganizatsiya kak faktory stabil'nosti i razvitiya [Management and self-organization as factors of stability and development] // Effektivnyye tekhnologii v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Effective technologies in the system of state and municipal management]. – Maykop, Rostov n/D: Izd-vo SKAGS. – P. 180 – 194. – URL: http://shabrov.info/Statji/ upr_sam.htm#_ftn2. (In Russ.)

30. Sharp, D. (2005) Ot diktatury k demokratii [From dictatorship to democracy]. – Yekaterinburg: Nov. izd-vo. (In Russ.)